

ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛЬКИ — ЖАРИТЬ!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Броский

18+

Александр Броский

Через две недельки – жарить!

«Автор»

2020

Броский А.

Через две недельки – жарить! / А. Броский — «Автор», 2020

Отвергая ненавистные оковы «нормальных, человеческих отношений», главный герой ищет «чистой, бескомпромиссной жарки». Кажется, у него есть все, чтобы без оглядки броситься на свою мечту, но что-то внутри не дает сдвинуться с места, пока таинственный Владыка не приглашает его в поездку, из которой если и можно вернуться, то только настоящим самцом. Три страны, три знаменитых мастера соблазна... Но, чтобы очистить грязную душонку, одной прилежной учебы окажется недостаточно. В первом томе авторского цикла «Две недельки» читатель отправится на далекий Остров. Там жестокий Маэстро проводит свои запретные сексуальные эксперименты, на одиноких пляжах льется любовь, а в тайниках души владычествует Червь. Содержит нецензурную брань.

© Броский А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Прибытие	5
Глава 2. В майке	9
Глава 3. Расширение рамок	12
Глава 4. В туалете	15
Глава 5. Сто подходов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Броский

Через две недельки – жарить!

Часть 1

Глава 1. Прибытие

Летели мы без особенных приключений. Страхи и сомнения, которые одолевали меня в последние недели, если и не исчезли, то несколько притупились. Я целиком сосредоточился на том, чтобы только добраться до Маэстро, а там будь что будет. Владыка, который до этого редко летал на самолете, все утро ощущал себя вне своей тарелки и ежеминутно уточнял элементарные детали: как проходить секьюрити, как пристегиваться ремнем к креслу. Я отвечал рассеянно, и Владыка был недоволен: «Ты же у нас путешественник, а и тут ничего не понимаешь!»

К счастью, путешествовать в наши времена так просто, что и понимать было нечего, и четыре часа спустя мы уже катили свои чемоданы по белой плитке главного аэропорта Острова. Владыкин чемодан был в два раза больше моего: он вез с собой недельный запас протеина, пижаму, гантельки, коврик для лечебной физкультуры, электрическую зубную щетку, питающий ночной крем – в общем, все те вещи, до которых я тогда еще не дорос. В моем полупустом чемоданчике болталось только наспех собранное шмотье и горстка просроченных гондош.

В самолете Владыка всхрапнул и был теперь в отличном настроении:

– Едешь как слабый самец, а обратно через неделю полетишь как сильный!

Для наглядности он прошелся несколько метров враскоряку. Я хотел было рассмеяться, но сдержался и в итоге тихо хрюкнул: конечно, я тоже предвкушал свое скорое превращение, но нужно было действовать аккуратно, чтобы не спугнуть судьбу.

На улице нас обдало южным зноем. Час был не поздний, но Остров был уже погружен в темноту. В такси по дороге в гостиницу водитель выключил радио и погасил свет, мимо нас медленно плыли огоньки домов на холмах, едва различимых под ночным небом. Я совсем позабыл о страшных испытаниях, которые должны были начаться так скоро. Там, на холмах, сейчас, наверное, прихлебывали чай, закусывали теплым пряником... Как тут тревожиться!

Гостиница была дешевенькой, но содержалась в чистоте. Она состояла из пары десятков двухэтажных гостевых домиков и главного здания, где размещался ресепшн и несколько конференц-залов. К зданию был пристроен небольшой ресторан с верандой. Вместе с домиками все это образовывало собой круг, в середине которого лежал открытый бассейн. Перед каждым домиком была лужайка, окруженная густыми кустами. Ночной бассейн распространял вокруг себя таинственное голубое сияние.

Мы так устали, что сразу же разошлись по номерам. Мне был выделен второй этаж домика по соседству с верандой. На подходе к нему я заметил, что окна первого этажа были растворены. Изнутри слышались веселые голоса, женский смех, звон бокалов. За высокими кустами больше ничего было не разобрать. Мое сердце сжалось, я остро ощутил, что я не весел и что я совсем не готов присоединиться к этой шумной компании. Безусловно, меня туда и не звали. Ну а если бы позвали? Ведь скоро мне придется навязывать себя незнакомым людям без всякого приглашения! «Впрочем, все это завтра, завтра...» Я мотнул головой, будто стряхивая неприятные мысли, взбежал по каменной лестнице на второй этаж, проскользнул в темный прохладный номер и поскорее запер за собой дверь.

Как следует рассмотрел свое жилище я уже утром. Оно было составлено из тесной спальни, гостиной чуть побольше и совсем уж маленькой ванной. Все комнаты были крайне

скудно обставлены. Кровать была тухлява, а белье тонко и истерто. Впрочем, я приехал сюда не за уютом. Жарка все искупит! Я вымылся под тонкой струей еле теплой воды, оделся в чистое и написал Владыке.

Маэстро с остальными учениками ожидали только к вечеру, и у нас было время осмотреться. Скоро мы уже шли по пыльной, жаркой улице в направлении центра. По сторонам дороги располагались узкие лавки, набитые туристическим барахлом, и дешевые, смрадные забегаловки. Кругом было одно турье. Молодые девушки ходили стайками. Владыка каждый раз поднимал брови и указывал мне бровями на девушек, как бы спрашивая: «Не желаешь ли броситься?» Увы, я был не готов.

– Нечего зря силы тратить, уж дождемся Маэстро! – отмахивался я.

Парни тоже перемещались стаями, многие были без футболок и поигрывали мускулами. Владыка даже фыркнул:

– Мимикрируют под самцов, а на деле тряпки. Их потолок – ковырнуть пьяного английского хоббитца. Get lucky называется.

Мы достигли центра города. Он был мертв: по всей видимости, все ушли на пляж. Окна низких, в два-три этажа, домов были закрыты ставнями. Подозрительного вида личности продавали всякий Abibas. Чумазные дети гоняли палкой тощего, всклокоченного кота.

От жары я уже начинал покрываться. Владыка был покрыт кремом от загара в три слоя, будто Солнце собирался колонизировать, но и он был не прочь вернуться в гостиницу.

Промаявшись до вечера, мы засели в фойе главного здания гостиницы, чтобы не пропустить приезд группы. Я уже начал клевать носом, когда, наконец, заметил, что у ресепшена сгрудилось несколько десятков новых гостей. Никаких тебе жилеток на голое тело, меховых воротников, страусиных перьев – ничего, что, казалось бы, полагается носить соблазнительям. Так что никто не обратил на них внимания, но я что-то почувствовал и наострил уши.

Я подслушал их разговор, и сомнений не оставалось – это была наша группа! Шуршали, что Маэстро запаздывает и просил передать, что общий сбор будет после ужина. Мы с Владыкой, не выдавая себя, переместились на веранду, за крайний столик, откуда все хорошо просматривалось. Веранда постепенно заполнялась людьми. Я был слишком возбужден от разных предвкушений, есть не хотелось. Поклевывая арбуз, я выискивал глазами Маэстро. Вот и он. В темно-розовой футболке, в шортах сёрфера, жилистый, с острым профилем, как у птицы. Я узнал его даже без помощи Владыки. Сердце мое сладко заныло: скоро этот человек устроит так, что я буду жарить как черт!

Следом за Маэстро на веранду вошел какой-то качок в темных очках и высокий худой парень с выбритой головой и лицом уличного хулигана. Они сели за отдельный столик. Я внимательно наблюдал за ними, прикрываясь арбузом, но ничего необычного не увидел.

После ужина мы прождали в фойе еще час. Люди из группы слонялись туда-сюда. От невыносимости ожидания я начал тихонечко постанывать. Видимо, меня услышали, потому что вскоре появилась помощница Маэстро и отвела всех в конференц-зал в подземном этаже.

В зале было прохладно. На стене напротив дверей висела школьная доска, перед ней стоял желтый письменный стол. На стол смотрели несколько рядов конторских стульев. Пока рассаживались, явился Маэстро с качком, хулиганом и двумя спутницами. Маэстро сел прямо на стол, его приятели на стулья у стола, лицом к залу, а девушки, не обращая ни на кого внимания, ушли в угол зала, прилегли там на пол и принялись болтать.

Маэстро попросил нас переставить стулья и образовать большой круг, чтобы все видели друг друга. Хулиган, которого он называл Прикуп, включил видеокамеру и стал обходить всех по порядку, спрашивая, кто за чем приехал. Я начал напряженно обдумывать, что я скажу, когда наступит моя очередь, и только вполуха слушал, что говорят остальные.

Были тут и двадцатилетние девственники, и сорокалетние угрюмцы с недожаром. Были те, кто вроде уже пробились сквозь стену на прошлом тренинге, но потом откатились назад. Большой, рыхлый дядя с огромными глазами и губами, как у куклы, заявил Прикупу:

– У меня на прошлом тренинге на яхте был секс с одной из участниц. С тех пор я так никого и не соблазнил, хе-хе-хе. В общем, снова на яхту хочу!

Теории Маэстро были универсальны, так что были в группе и девушки, всего около десятка. Они мечтали привлекать и привязывать достойных самцов, им надоели тряпки! У одной, правда, была настоящая беда: ее когда-то изнасиловали, и она больше не могла расслабиться с мужчинами. Я иногда поглядывал на Маэстро, и эта девушка, казалось, заинтересовала его больше остальных.

Когда дошла очередь до меня, я пробормотал, что приехал учиться, как подходить к незнакомым женщинам на улице и не бояться.

– Какой длины у тебя член? – прервал меня Прикуп.

– Не знаю... – ответил я растерянно.

– Как так, неужели не мерил? – Прикуп искренне удивился.

Я решил ответить максимально честно:

– Мерил раньше, когда был маленький...

– Кто был маленький – ты или член? Ха-ха-ха! – весь зал захохотал вслед за Прикупом. Я тоже от неожиданности засмеялся, хотя, признаюсь, был весьма смущен и укорял себя за то, что отвечал так неловко.

Владыка был краток. Сказал, что его главная цель – «повысить эффективность». Чего именно, он уточнять не стал.

Тут Маэстро слез со стола и вышел в центр зала, чтобы сказать пару вступительных слов. Его речь и весь его образ сразу же странным образом захватили меня. Мне казалось, что взгляд его горел, движения были наполнены жизнью. Чудилось, что я вижу энергию, которая бурлит в его жилах. Все его шутки казались мне смешными, каждая фраза была точно в цель!

Под конец Маэстро задал вопрос: хотим мы работать или отдыхать? Яхтсмен сразу же поднял руку за отдых. Все остальные загудели: что за вопрос, конечно, работать! Тут третий тренер, качок по имени Андрей, впервые проявил себя и крикнул, что мы дураки и выбрали бы лучше отдых.

– Если будем отдыхать, будет весело, и все пожарятся. А если будем работать, то никто не пожарится, и все равно ничему не научитесь!

Не поддавшись на провокацию, большинством голосом мы выбрали работу. На это Маэстро сказал, что коли так, то работать будем по-настоящему. Разделимся на команды, и если хотя бы один участник не станет выполнять задания, всю команду выгонят с тренинга. После этих слов обстановка в зале стала более сдержанной, смех затих. Я подумал: «Что это за задания такие, которые не захочется делать? Не пришлось бы хватать за жопу, как в его книге». В голову полезли неприятные образы. Ревнивый муж, полицейский участок, депортация с позором... Но к черту все, надо бросаться в омут!

Мы разделились на команды. В мою попали Таня – женщина неопределенного возраста, с кудрявыми волосами и лицом, как у собачки, Кеша – плотный, волосатый мужичок, который не просто говорил, а как-то медленно и очень уверенно гундосил, Вера – легко краснеющая, простая девушка с каре, и Валентин – худой парень с энергетикой программиста.

Команды должны были придумать себе имя и приветствие. Кеша предложил назвать нас «Пацаки». «Какое странное название!» – подумал я, но противопоставить ему ничего не смог. Приветствие долго не придумывалось, все знай мычали, пока тот же Кеша не сказал:

– А давайте, может, «ку»? Вот так – «ку»!

Говоря «ку», он слегка приседал и разводил руками. Это была отсылка к одному фантастическому фильму, в котором «пацаки» были угнетенной кастой и должны были делать «ку»

при встрече с коренными жителями планеты. Но тогда я этого не знал и ругался про себя: «Час от часу не легче. Ку какое-то... Что за глупость. Ку-ку!»

Впрочем, когда мы вышли к доске и показали «ку» остальным, оно вызвало восторг в зале, и решено было сделать его общим приветствием группы. Маэстро так воодушевился, что призвал нас делать «ку» каждый раз, когда на улице встречаешь кого-то из группы: для создания интриги среди местного населения.

«На команды разбились, приветствие придумали, теперь можно и на боковую?» – робко надеялся я. В глубине души я знал, что гораздо полезнее будет прыгнуть в омут с головой. Словно прочитав эту мысль, Маэстро тут же дал нам первое задание для немедленного выполнения.

Глава 2. В майке

Задание заключалось в том, чтобы идти в город и там, как выразился Маэстро, «зажигать». Но что это такое – зажигать? К счастью, нас должны были сопровождать «охотницы», те самые помощницы Маэстро, что все занятие протрещали в углу. Охотницы знали, как зажигать правильно.

Делать это нужно было в специальной майке. Я знал ее по прошлогоднему видео с Острова и надеялся, что мне никогда не придется ее надеть. Никогда не любил я одежду с надписями, считал ее дешевой провокацией, и вот, видимо, допрыгался со своим ханжеством, и настала пора расплачиваться. На маечках Маэстро жирными красными буквами поперек груди было написано: «sex-аниматор», черная стрелка под надписью указывала в низ живота.

Одна из охотниц, высокая светловолосая девушка с нагловатым взглядом, оставила свою подружку в углу и раздала нам майки со словами:

– Пока не надевайте. В гостинице не должны знать, кто мы такие, а то начнут приставать с расспросами.

Холодной рукой принял я свою новую одежду и побыстрее скомкал ее и спрятал в задний карман.

Скоро мы уже шагали в сторону центра толпой из сорока человек, по той самой дороге, которую мы с Владыкой исследовали утром. Было уже темно, лавки стояли запертыми, зато в забегаловках прибавилось жизни и шума, и в теплом воздухе носился шашлычный дух. Когда мы отделились от гостиницы на безопасное расстояние, охотница-блондинка, которую, как я подслушал, звали Оля, скомандовала:

– Надеваем майки.

Потупившись, я натянул свою поверх той, что на мне уже была. Казалось бы, смешная новая маечка, ну что тут такого, но меня окатывали горячие волны стыда. Красная надпись жгла грудь, стрелка прижимала к земле. Я утешался тем, что местность вокруг была не слишком людной, и, если не привлекать к себе внимания, в темноте нас не очень-то разглядишь. Вдруг, как назло, кто-то из группы позади загорланил песню из «Бременских музыкантов», остальные подхватили:

– Ничего на свете лучше не-е-ету, чем бродить друзьям по белу све-е-ету! Эге-гей!

Маэстро весь вечер талдычил, что группа – это ценный ресурс, но я так не думал. «Иду в этой майке, как дурак, а оттого, что сорок таких же дураков рядом – еще глупее выходит. Да еще и всякую чепухину из-за них петь приходится». Тут я немножко лукавил: я ведь не совсем пел, а только открывал рот в такт песни. Но обычным прохожим, наверное, казалось, что я пел, и это меня расстраивало.

Мы приближались к городу, навстречу попадалось все больше ночных гуляк. Вслед за Олей вся группа пересекла дорогу и остановилась у открытой веранды ресторана, заполненной отдыхающими. И тогда я на своей шкуре изведаль, что это на самом деле означало – «зажигать». Как стадо тропических обезьян, которые сбежали из подземного зверинца безумного профессора, с криками, с гримасами, кто агрессивно, кто боязливо, мы начали танцевать под музыку, которая звучала с веранды. Оля и те, кто уже давно был «в теме», задавали тон, остальные быстро подхватывали. Скоро уже Таня крутила тазом направо и налево, Кеша пристраивался к ней и гундосил: «М-м-м-эге-гей!» Рядом насиловали фонарный столб, махали рукой гостям ресторана, зазывая их к нам. Я не видел, что делал Владыка, но потом он мне говорил, что он тоже «танцевал, причем лучше всех». Я аккуратно переступал с ноги на ногу, делая вид, что кричу что-то озорное, и исподтишка поглядывал на реакцию наших невольных зрителей.

Она была разнообразна. Люди смеялись, брезгливо морщились, снимали нас на телефоны, начинали пританцовывать сами, смотрели в недоумении, игнорировали нас. Я тяжело

переживал негативные реакции. Меня игнорируют! На меня смотрят, как на идиота! Мне хотелось отделиться от толпы, подбежать к этим людям, объяснить им, что это такая игра, что я случайно затесался, что на самом деле я парень что надо. Я ждал, что меня обнимут, посадят за стол, скажут, что да, конечно, они сразу заметили, что есть во мне что-то особенное, что мне не место среди этих сумасшедших...

Наша пляска продолжалась от силы десять минут, но мне показалось, что я постарел на десять лет. Но в тот самый момент, когда разум и воля, казалось, покидают меня, когда вокруг не осталось ни одного приветливого лица, я чудесным образом расслабился. Если секунду назад я выискивал знаки одобрения, жаждал признания, то через мгновение мне стало все равно, как нас принимают, мне хотелось просто веселиться и веселить. Я бросил думать о том, какое может выйти позорище. В этот миг я почувствовал свободу!

Мы продолжили движение и вскоре достигли центра ночного города. Его было не узнать. Через каждые пять метров теперь был клуб. Как правило, у этих клубов было всего три стены, четвертой, которая должна была отделять их от улицы, не было, и все желающие клубни могли свободно входить и выходить. Перед каждым клубом подпрыгивала с пачкой листовок в руке. Улицы были залиты неоновым светом, со всех сторон неслась крепкая танцевальная музыка. С криками и песнями во все стороны болталась развеселая людская толпа.

Мы сделали остановку на центральной площади и устроили миниатюрный «рейв» – образовали круг, танцевали и затягивали в него прохожих. Откуда ни возьмись появился Владыка и указал мне бровями на трех молоденьких девушек, которые огибали «рейв», балансируя на высоких каблуках. На этот раз я был готов! Я подскочил к ним и закричал:

– Привет, куда идете? Давайте с нами!

– А вы кто вообще? – девушки чуть-чуть оторопели. Одна из них, видимо, лидер всей троицы, присмотрелась и прочитала надпись «Жги с Маэстро!» на спине одного из аниматоров. Такая надпись была и на моей спине, и я чуть было не повернулся ею к девушкам, чтобы им было удобнее читать. Но тут лидер отрезала:

– Знаю я этого Маэстро! У них тут на Острове все поделено с друзьями. Разводят лошаков...

Я немного опешил и растерянно ляпнул:

– Что же делать лошкам?

Девушка несколько не удивилась, что, стоя перед ней в потной майке аниматора, я тем не менее говорю о «лошках» в третьем лице, и рассудительно ответила:

– Как и всем остальным – работать над собой, развивать уверенность в себе. И нормально знакомиться, общаться. Удачи!

Девушки оставили меня. «Тьфу ты! – думал я, глядя им вслед. – Только поймал волну, а тут мне сомнения сеют...» Но что-то внутри не желало и думать о том, чтобы слезать с этой новой волны. Оседлать ее покрепче да лететь вперед, растворяться в мерцающем океане!

Очнувшись от размышлений, я на всех ногах побежал догонять группу, которая уже покидала площадь. Заводилы организовали «змейку». Я схватил впереди стоящего за бока, меня тоже схватили сзади. Подбирая по пути прохожих, змейка поползла в самое пекло ночного квартала. Музыка здесь оглушала, пьяненькие норвежские подростки поливали всех шампанским. Я то и дело слизывал сладкие капли со своих щек.

Я был ближе к концу змейки, и мне приходилось туго: бока, за которые я держался, все время норовили ускользнуть. Я вытягивал руки как можно дальше, подавался вперед, и все равно еле-еле поспевал. Кто-то наступил на мой дешевый шлепанец, который я приобрел этим утром. Шлепанец вывернулся наизнанку, чинить его времени не было. Я подхватил его и оставил ногу босиком. Змейка вильнула в сторону, я потерял бдительность, и мое звено оторвалось от остальных. Я врзался в девичий кружок, помахал шлепанцем перед чьим-то носом, закричал: «Сломался, давай меняться!», и, не дожидаясь ответа, заржал конём и ринулся дальше.

Закончили мы еще одним «рейвом», перед «русским» клубом. Меняхватило только на то, чтобы притопывать ногой. Я прислонился к фонарному столбу перевести дух. Ночь только начиналась, но все, кроме нас, давно были пьяны. Мое внимание привлекла Галина – Мама Стифлера, с которой мы сидели рядом на вечернем занятии. Я тогда не решился с ней заговорить. Сейчас Галина стояла немного в стороне от «рейва» и растерянно смотрела в пространство перед собой, на какое-то одной ей видное разбитое корыто. Мне стало жаль ее, я уже безо всякого стеснения подошел к ней и попытался приободрить:

– Отчего же вы не анимируете?

Галина безучастно посмотрела на меня и ничего не ответила. Назавтра она не явилась на утреннее занятие, и больше я ее не видел.

Когда Оля отпустила домой тех, кто больше не желал зажигать, я отыскал Владыку. Ему, насколько я помнил, по режиму уже давно полагалось быть в постели. По пути в гостиницу мы обсудили произошедшее.

– Эх, кто бы мог подумать, что будет так весело! – от радости я чуть не захлебывался. Я уже не пытался скрыть от чужих глаз свою новую майку, наоборот, грудь сама собой выпячивалась, а ноги загребали той самой раскорякой.

– Весело-то весело, но непонятно, эффективно ли. Возможно, что и нет, – Владыка осторожноничал, хотя и он был очевидно доволен.

Мне же не требовалось никаких доказательств, я твердо верил, что нащупал золотую жилу:

– Чую свободу! Жизнь чую! Анимация – это все!

Глава 3. Расширение рамок

На следующее утро я проснулся раньше будильника. Сквозь просвет в занавеске мне прямо в глаз бил утренний луч; в спальне, несмотря на ранний час, становилось душновато. Я был весь обмотан простыней: видимо, ночь была беспокойной, с катаниями, и действительно, я не чувствовал себя отдохнувшим. Это было похмелье секс-аниматора. Вчерашнее веселье казалось бесконечно далеким, внезапно обретенной свободы и след простыл, зато стыдоба припомнилась с новой силой. Жарка ускользала прямо из-под носа. А ведь перед сном я уже планировал, как вернуться в Город и буду ходить по клубам в женском платье и на каблуках, настолько мне все будет нипочем.

Через час, утешившись дынькой за завтраком, но все еще в некотором унынии, я снова сидел в конференц-зале и слушал утреннюю лекцию о «расширении рамок». Тут потребуются некоторые пояснения.

Согласно Маэстро, главным принципом жарки была игра:

– Серьезный, «взрослый» человек не способен соблазнять. Его грызет совесть, страх перед осуждением или осмеянием, боязнь ошибиться. Самец не таков. «Это все легко! Это все несерьезно!» – говорит он всем своим поведением и этим расслабляет женщину, которая отдается ему, даже если по своим (а на самом деле, общественным) стандартам делать этого не должна. Но невозможно играть, если ты закомплексован и стянут различными правилами и рамками. Поэтому первоочередная задача начинающего – научиться эти рамки расширять. А перед тем как браться за чужие рамки, обязательно надо расширить их себе. Вот этим вы сегодня и будете заниматься.

Тут я вспомнил, что в книге Маэстро был список упражнений по расширению на несколько страниц. Когда-то эти упражнения так сильно меня взволновали, что я поспешил пролистать их побыстрее, особо не вчитываясь. И вот теперь Маэстро просил нас самих придумать для себя такие же упражнения, обосновав это тем, что «в любой ситуации мы должны учиться быть авторами, а не жертвами, творить, а не копировать».

Мы снова разбились на группы, объединившись с соседями по стульям. Остальные «пацаки» сегодня были разбросаны по залу, и я оказался окружен новыми людьми. Один из них, упитанный азиат по имени Алишер, вынул из кармана список, который сохранил с прошлого тренинга, и, лукаво прищурившись, начал его зачитывать:

– В кафе поест с чужой тарелки. Ходить по улице со вставшим членом. Переползти проезжую дорогу на четвереньках.

Я испытал прилив вдохновения:

– Помочиться на тротуар!

Крепкий молодой парень, который сидел напротив и выглядел на первый взгляд адекватно, неожиданно возразил:

– Это мне рамки не расширит. Я в своем родном городе так регулярно делаю. Когда станет скучно, выйду на проезжую часть, со всех сторон машины несутся, а я спокойненько поливаю. Народу нравится, водители бибикают. Несколько раз в ментуру забирали, но не более того.

Когда у всех был готов список из десяти пунктов, Маэстро сказал:

– Теперь вперед, за работу! Как раз до обеда есть несколько часов. И пока каждый из команды по всему списку не пройдет, обедать нельзя!

Побродив по залу, я нашел всех «пацак», кроме Кеши. Решено было временно заменить его на Поливалкина, который пропустил прошлое занятие и собственной команды не имел. Также к нам присоединилась некая Надя – подруга Тани, высокая, немного сутулая девушка с кротким лицом.

Мы собрались на выходе из гостиницы. Дело шло к полудню, солнце кочегарило весьма изрядно. Прохожих было немного, а те, что были, передвигались еле-еле, как сонные насекомые. Пронесившиеся мимо них прокатные квадроциклы нагоняли желтую пыль. От жары все немного плыло. Настроение от всей этой обстановки создавалось не игривое, а скорее ленивое.

Последней пришла Таня, с блокнотом, в котором были записаны упражнения.

– Давайте начнем с чего-нибудь попроще, для разогрева, – предложил я. Таня заглянула в блокнот.

– Ну вот, например: «переползти дорогу на четвереньках».

Мы дошли до светофора, дождались зеленого света и друг за другом начали становиться на четвереньки и ползти на другую сторону. Таня пошла первой, и мне показалось, что она как-то подозрительно быстро ползет. Сначала я подумал, что это она от смущения, чтобы побыстрее закончить, но, когда я сам встал на карачки, то сразу понял, что тут другое. Асфальт под моими ладонями был горячим, как кипяток. Я начал перебирать конечностями так быстро, как только мог, и все равно мне казалось, что каждый раз я оставляю после себя кусочек кожи. Поднявшись с земли уже на другой стороне дороги, я хохотнул и отметил про себя: «Дикость, но что-то в этом есть. Чувствую, что рамки чуть-чуть расширились!» Тем временем все доползли, и Таня снова раскрыла блокнот:

– Далее: «ходить со вставшими членами».

– У меня вот так запросто на улице не встанет, – заявил беспредельщик Поливалкин.

– А что девушкам делать? – хихикнула Надя.

– Будем все имитировать, – уверенно сказала Таня. – Вон магазин, купим там инвентарь.

Скоро у всех в шортах появились новые предметы из магазина. Таня запихала себе между ног какую-то пластмассовую трубку с конфетами. Поливалкин – мягкую игрушку. Я ограничился обычной шариковой ручкой.

– И что теперь? Просто ходить туда-сюда? – простодушно спросила Надя.

– Нет, надо к людям подходить. Тогда польза будет!

Когда у Тани стоял «член», как сейчас, ее сложно было воспринимать серьезно, но говорила она, похоже, дело. В целом, ее рвение было для меня некстати. Моя утренняя хандра только разрослась, будущее казалось беспросветным, рамки упрямо сопротивлялись расширению. Не лучше ли отложить все на завтра? Я тайно начал склоняться к тому, чтобы сделать не десять упражнений, а, например, пять, и на том закончить. Первым шагом было избавиться от Тани, и я забросил удочку:

– А давайте разделимся? Так будет удобнее, зачем шестером ходить. Валя, Вера и я, например, можем отщепиться.

Никто не возражал. Валя переписал список упражнений в телефон, две новые группы сделали друг другу «ку», и разошлись по разным сторонам дороги. Попутчиков я выбирал далеко не наобум: Вера явно была управляема, а Валя, по моим ощущениям, был философом и нестерпимого зуда деятельности я за ним не замечал. Я был уверен, что сумею их обоих морально разложить, но хотя бы несколько упражнений для очистки совести надо было сделать.

Я собрался с духом и зашел в неприметный ресторан у дороги. Он был почти пуст, только у задней стены сидели две девушки небольшого роста и средней привлекательности. На одной из них были шортики с флагом Соединенного Королевства. Я не всегда до конца понимал выражения Владыки, но рискну предположить, что это были те самые «английские хоббитцы». Я подошел к их столику и сказал:

– Хеллоу!

Они встретили меня приветливо, и пару минут мы разговаривали о посторонних вещах. Я не выдавал своих намерений, как настоящий изверг. Наконец, с уверенностью, которая удивила прежде всего меня самого, я покосился вниз и спросил:

– А не подскажете, что мне делать с моей «ситуацией»?

Они взглянули на мои выпяченные шорты и начали смеяться:

– Ну ты шутник!

Я вообще-то готовился к стакану воды в лицо, к удару под дых, к пощечинам, и немного растерялся от такого дружелюбия, не понимая, куда теперь вырливаться. Еще пара секунд, смех сойдет на нет, и что потом? Не выдержав напряжения, я брякнул: «Ну что ж, пока!» и поспешил к выходу.

Вера засняла весь разговор на телефон, стоя неподалеку: Маэстро с утра пригрозил, что без видео зачета не будет. Сама она, будучи девушкой, упражнение с «членом» делать не хотела, и я поддержал ее: все-таки у нас тут был скорее цирк, а не сумасшедший дом.

К нам подошел Валя, и сообщил, что сделал все, как требовалось, но ничего не испытал, и в чем был смысл задания, не понял.

– Через себя переступить, пройти сквозь страх... – попытался объяснить я.

– Так мне и не страшно. Просто идешь и делаешь. – Валя, со своей прической хорошиста, в коричневых сандалиях и черных носках, сказал это настолько невозмутимо, что меня кольнула зависть: самого меня все еще покрывало от общения с англичанками.

Мы продолжили шагать и скоро свернули на более тихую улицу. Рестораны пропали, а с ними и люди. Солнце не прекращало наяривать, я еле переставлял ноги. Волосы мои нагрелись, как в бане, язык высох и чесался.

Наконец, повеяло гнилыми водорослями и соленой пеной: мы приближались к пляжу. Снова появились различные лавчонки. Я заглянул в одну из них за бутылкой воды и отстал от своих спутников. Вернувшись на улицу, я увидел в магазине напротив трех молодых скандинавок, которые рассматривали какие-то сарафаны. Вдруг меня понесло. Я подошел к ним поближе, помахал рукой и крикнул:

– Привет!

Девушки вопросительно посмотрели на меня. Движимый какой-то темной невидимой силой, я выпалил:

– Не хотите ли познакомиться с моим членом?

Это была импровизация: такого задания в списке не было, оно всплыло из подсознания, из давно забытых книг. Девушки сначала не расслышали вопроса, и мне пришлось повторить уже погромче. Они посмотрели на меня очень недобро и молча ушли вглубь магазина. Несколько мгновений я оставался стоять на месте. В голове было непривычно пусто. Скоро я ощутил, как мое лицо краснеет, а руки начинают трястись. Мелькнула мысль: «Наверное, это школьницы, о нет... Сейчас вернутся! С охранником!» Как неумелый воришка, не помня себя от страха и стыда, я бросился наутек.

Глава 4. В туалете

Я сбавил скорость лишь тогда, когда сообразил, что науськанный скандинавками воображаемый охранник уже наверняка потерял мой след. Я огляделся. Я стоял на тропе, выложенной гладкими белыми плитами, в тени высоких, неподвижных пальм. Впереди тропа разветвлялась и вела в разнообразные прибрежные заведения. Все они тоже были выкрашены в ослепительно белый цвет. В просветах пальмовой рощи виднелось бирюзовое море.

Я зашагал по тропе, она становилась все шире и оживленнее. Веру и Валу я пока не видел. Неожиданно в одном из кафе кто-то завопил:

– Хочу дрочи-и-ить!

Две курортницы, шедшие мне навстречу, остановились и стали недоуменно всматриваться в полумрак за открытыми дверьми. В меня опять как бес вселился. Снова безо всякого задания я обратился к ним:

– Интересно, что это там происходит?

– Да сегодня весь день непонятно что творится, к нам уже несколько раз подходили с таким же бредом...

– Я вам сочувствую!

Девушки, казалось, были рады встретить нормального человека и вели беседу с оживлением. Мы обменялись парой безобидных фраз. И только окончательно усыпив их бдительность, я, с какой-то достоевщиной, чуть ли не подмигивая, огорошил их:

– А не хотите ли познакомиться с моим членом?

В ответ та из девушек, что была пониже и покрепче, чуть не набросилась на меня, но подруга схватила ее под руку и потащила за собой. Оглядываясь, низенькая выкрикивала с презрением:

– Как же вы надоели, пикаперы!

Я ощутил себя городским сумасшедшим, который распахнул свой плащ, смутил бледной плотью случайного прохожего, но не ощутил от этого ни восторга, ни возбуждения. Мне снова стало отчаянно стыдно. Все это совсем не походило на игру, о которой говорил Маэстро. Мне казалось, я понимал суть его теории и нутром чуял в ней правду, но еще острее чувствовал я собственную неспособность воплотить это понимание в жизнь.

Чесать против шерсти общества, привлекая к себе внимание, рискуя кого-то расстроить или разозлить, было для меня настолько противоестественно, что, решаясь на такое, я не мог оставаться собой. Каждый раз приходилось отключать разум и усыплять совесть. Сегодняшние упражнения за меня делал как будто другой человек, дремучий и агрессивный, который только и умел, что знакомить с членом, как попугай. Других людей он либо презирал, либо боялся. Он пытался разломать рамки грубым, неряшливым усилием, не веря по-настоящему, что такое вообще возможно.

Понурился, я побрел дальше. Скоро я увидел отделившихся «пацак». Они окружили скамеечку с двумя ухоженными итальянскими парнями, тыкали в них пальцами и громко и некрасиво смеялись. Итальянцы держались с достоинством, и все же смотреть на это было довольно противно. Я поспешил пройти мимо.

Наконец я заметил Веру и Валу. Они поджидали меня, сидя на травке. Оба выглядели немного растерянными, и я предположил, что их одолевают те же грустные мысли, что и меня. Я опустил на газон рядом с ними и закрыл глаза. Монотонный голос Вали вывел меня из оцепенения:

– Надо бы продолжать. Следующее по списку «подрочить в женском туалете».

– Я больше так не могу! – застонал я. Увидев недоумевающее лицо Вали, я добавил:

– Максимум, на что согласен, это поссать.

– Я могу хоть на пол посрать, – пожал плечами Валя. – Только все еще не понимаю, зачем. Ладно, пойдете, что ли.

И действительно, через четверть часа Валя уже наяривал над раковиной в женском туалете на втором этаже «Макдональдса», а Вера снимала его на видео. Я ждал своей очереди, сидя за столиком внизу. Повсюду было турье, и я с трудом нашел себе свободное место.

Меня захлестнула волна бессильной ненависти к окружавшим меня людям. С набрюшными сумками, детскими колясками, из которых торчало разное барахло, в растянутых футболках, с отвисшими сиськами и животами, они все как будто сговорились собраться здесь вместе, чтобы своим видом создать в моей голове максимально сильный диссонанс с высокими идеалами жарки и бросания. Мне казалось, что путь, который я избрал, был сложнее, честнее, а потому благороднее того, по которому, уютно посапывая, катились все эти бездуховные потребители. Но как же уверены они были в себе и в своем выборе! Их ничуть не волновали чугунные рамы, в которые, очевидно, было заключено их жалкое существование, им даже в голову не приходило, что эти рамы необходимо расширять!

Я осознал, что зверски голоден, и, возможно, моя ядовитая слюна струилась бы не так сильно, если бы я последовал примеру соседей по столику и что-нибудь съел. Но тут передо мной возник чуть-чуть раскрасневшийся Валя и сказал, что они с Верой только что закончили. Случилось чудо, и в женский туалет в течение пяти минут, пока они там были, никто не заходил. Несмотря на это, мы все согласились, что задание все равно следует считать выполненным. Со вздохом обреченного я уступил Вале свой стул и отправился вместе с Верой на второй этаж.

По дороге я мысленно нацеливался на раковину, но, выходящая из туалета женщина, столкнувшись со мной, так строго на меня посмотрела, что я в последнюю секунду свернул в одну из кабинок. «И так сойдет! – подумал я. – Дверь-то я не буду закрывать». Через минуту, застегивая шорты, я повернулся к Вере. Она остановила запись. Я протянул руку:

– Давай телефон. Теперь твоя очередь!

Мы перешли в мужской туалет. Здесь почему-то был необыкновенный аншлаг, свободна была только пара писсуаров. Вера покосилась на них и тихо сказала:

– Давай чуть-чуть подождем?

Мы встали посреди туалета и стали ждать. Мужчины огибали нас, будто не замечая, что на их половину пробрался женский лазутчик. Я впервые обратил внимание на Веру: небольшого роста, в простом летнем платьице, с аккуратным каре, она выглядела мило, пусть и немного провинциально. Я улыбнулся:

– Может, все-таки в писсуар?

Вера с недоверием посмотрела на него еще раз, поколебалась секунду-другую, потом сунула мне в руки свою сумочку, подошла к писсуару, повернулась к нему задом, приподняла платье, приспустила трусики и, поднявшись на цыпочки и кое-как примостившись, прыснула в него пару капель. Я ощутил смесь возбуждения и уважения к этой девушке, которую от внутренней борьбы всю залило ярко-пунцовым цветом.

После этого тренировка покатила вниз по наклонной. Мы битый час слонялись по центру, пытаясь найти желающих «имитировать секс». Наши с Валею беседы с прохожими были удивительно похожи друг на друга:

– Привет! У нас есть задание. Давай мы с тобой сейчас будем имитировать секс, а вот она будет снимать.

– Нет, спасибо. Not interested.

Вера продержалась подольше, но ее общение с группой немецких парней тоже было весьма однообразным:

– Давайте имитировать.

– Нет. Можем тебя просто отжарить. Имитировать не будем!

– Жариться – нет. Но вот проимитировать...

И так по кругу. Когда Вера, ничего не добившись от приземленных колбасников, вернулась к нашей скамейке, я поднялся и как можно более решительно заявил:

– Все, с меня хватит! Больше ничего не собираюсь делать! Я устал и хочу обратно.

Валя, который, по моим расчетам, уже должен был окончательно разочароваться в происходящем, почему-то уперся рогом и сказал, что будет доделывать весь список до конца. Вера тоже не хотела пока возвращаться: видимо, боялась гнева Маэстро.

Окутанный парами меланхолии и безнадежности, я плелся домой в одиночестве. «Почему же так страшно было передернуть разок в женском туалете? Да может, и не страшно, просто бессмысленно: что дальше-то? Впрочем, все это похоже на увертки ума. Смысла, видите ли, нет... Ну так сделай без него. Банку вон можешь пнуть без смысла». – Я пнул посильнее пустую консервную банку под ногами, она с грохотом покатила по тротуару и чуть не закатилась в распахнутую дверь массажного салона. Не оборачиваясь, я ускорил шаг.

Уже на подходе к гостинице я увидел Колю-качка и его команду. Колю я запомнил с первого вечера не столько по его прекрасно развитой мускулатуре, сколько по его шлепанцам. Ярко-розовые, с вкраплениями желтого, площадью они были в два раза больше его ступней и имели форму кометы. Настоящие альфа-тапки! На этих тапках, максимально их раздвинув, так что его крепкие, похожие на стальные корни ноги были практически в полушпагате, Коля стоял посреди улицы и говорил с незнакомой девушкой и парнем. Проходя мимо, я услышал его трубный голос:

– Да он тебя просто выебет!

За этим последовал громкий, лошадиный смех. Я весь сжался. Полезли черные мысли: «Никогда не смогу я так основательно утвердить себя на тротуаре и так беззастенчиво гоготать. Возможно, если у него отобрать массу и шлепанцы, он бы по-другому запел. Но сейчас разговор не о нем. Я слаб! И духовно, и физически! Ничего сегодня не смог, да еще и сбежал раньше времени. Не человек, червяк!»

В номере я кинулся на кровать и долго лежал, уткнувшись лицом в пыльную подушку, стараясь остановить голоса в голове. Я хотел заснуть, забыться, но сон не шел.

Глава 5. Сто подходов

Лосося, который лежал передо мной на элегантной прямоугольной тарелке, я ел чрезвычайно медленно, срезая с него тончайшие слои. Так же бережно я обходился с находившейся рядом картошечкой. Обычно я уже покончил бы с обоими, но сейчас я был в особом режиме: скоро предстояло бросаться, и момент начала следовало максимально оттянуть.

На вечернем занятии выяснилось, что половина группы все еще боится подходить к незнакомым людям. Купание голышом на главном пляже Острова и прочие упражнения убили только часть страхов, да и то не у всех. Маэстро сказал, что это никуда не годится; нужно брать быка за рога, и нет для этого лучше средства, чем упражнение «100 подходов». Мы должны были разбиться на пары и в течение часа подходить на улице ко всем подряд и разговаривать о чем угодно. Подход засчитывается, если собеседник тебя замечает и проводит с тобой не меньше десяти секунд. Пока один из пары подходит, другой бегаёт за ним, ведёт счет и не дает застревать слишком долго на одной жертве.

Отрезая крошечный кусочек картофеля, я размышлял, что за всю свою жизнь я, наверное, совершил подходов двадцать, большую часть из них в нетрезвом виде, а потому имею все основания готовиться к ста подходам как угодно долго. Тем более что утро выдалось непростое, и я до сих пор оправлялся от расширения рамок.

Мы сидели в довольно сносном ресторане под названием «Отелло». Владыка заметил его еще вчера, на обратном пути после анимации. Несмотря на тревожное название, «Отелло» был пропитан стабильностью. В интерьере тут звучала крепкая, деревянная нота, а искусно расставленные лампы создавали приятный желтый полумрак. Лицо Владыки на другой стороне стола было подозрительно беззаботным для человека, которому предстояло бросание. Солнцезащитный крем только помогал: за окнами уже ступили сумерки, и белая, блестящая физиономия Владыки радостно светилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.